

МИГРАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В КОНЦЕ XX в.

Герман Борисович ДУДЧЕНКО,
научный сотрудник Института истории ДВО РАН

Международная миграция имеет самые разные аспекты — экономический, социальный, культурный, политический и т. д. — и как бы автоматически становится объектом исследования различных научных дисциплин. Это прослеживается на примере активизации внешнемиграционных процессов в России в 80 — 90-е годы XX в. Международные исследования в данной области основываются не только на отраслевом, но и на региональном подходе. Задача автора — рассмотреть взаимовлияние миграционных процессов и межгосударственных отношений в этот период на примере юга Дальнего Востока России, где сложилась во многом уникальная ситуация.

Для второй половины 80-х годов и в 90-е годы XX в. характерны значительные политические перемены в СССР и постсоветской России. Их признаками во взаимодействии дальневосточных территорий с соседними государствами наряду с более широким и массовым появлением иностранных граждан было расширение приграничной торговли, возникновение различных международных экономических проектов, а также развитие международного туризма.

Каждый из этих признаков свидетельствовал об отказе Советского Союза и Российской Федерации от укрепления «железного занавеса» как в целом, так и в двусторонних отношениях со странами АТР. Эта политика в конце 80-х — начале 90-х годов проводилась на разных уровнях межгосударственного взаимодействия. В таком регионе, как Дальний Восток, позиция центра в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона, направленная на сближение с соседними странами, не могла не сказаться и на внутреннем социально-экономическом положении. В частности, оказала влияние массовая международная миграция, не наблюдавшаяся в подобных масштабах в течение нескольких десятилетий и во многом ставшая неожиданностью.

В связи с этим в международных вопросах, связанных с присутствием иностранных граждан, выделяется несколько отдельных аспектов. Первый из них — правовой. В конце 80-х — начале 90-х годов Советский Союз подписал важные многосторонние документы, имеющие отношение к свободе передвижения. Так, Всеобщую декларацию прав человека (1948 г.) и Заключительный акт в Хельсинки на ОБСЕ (1975 г.) дополнили Итоговый документ Венской встречи 1986 г. представителей государств — участников ОБСЕ (подписан в 1989 г.) и Парижская хартия (1990 г.). После распада СССР россий-

ское руководство продолжило линию либерализации внешнемиграционных процессов, подписав в 1992 г. Конвенцию ООН 1951 г. о беженцах и Протокол к ней 1967 г.¹

Политика открытости нашла свое воплощение и на Дальнем Востоке. Указом Президента РСФСР от 20 сентября 1991 г. разрешено посещение г. Владивостока иностранными гражданами. В первой половине 90-х годов в городе появились консульства пяти государств, а также представительство МИДа Российской Федерации в 1994 г. Каждое из учреждений получило возможность защищать права своих граждан, руководствуясь международными правовыми актами, например, Венской конвенцией (1963 г.) о консульской защите.

Кроме того, в международных вопросах встречались моменты, которые затрагивали региональные интересы, но согласно Конституции 1993 г. подпадали под юрисдикцию субъектов Российской Федерации либо в совместное ведение их и федерального центра. Нормативно-правовые документы дальневосточных субъектов, касавшиеся внутреннего регулирования международной миграции, следовали по общему с федеральным центром пути развития: от их разрозненного принятия различными государственными органами до выработки общих концептуальных основ².

Другим особо важным аспектом международной миграции являются двусторонние российско-китайские отношения. По сравнению с другими странами исхода мигрантов на Дальний Восток России перемены в отношениях между СССР (Российской Федерацией) и КНР проходили более быстро и в силу очевидных причин сказались на развитии миграции в большей степени.

В исследовательской литературе не оспаривается тезис о том, что Китай проявлял интерес к Советскому Союзу (России) и к дальневосточным территориям, в частности. Решением XII съезда КПК (1982 г.) был провозглашен курс на нормализацию отношений с СССР, отказу от конфронтации. Постепенно Китай вышел на конструктивный диалог. 14 декабря 1988 г. Политбюро ЦК КПК отметило, что в международных отношениях происходят «кардинальные изменения» и что весь мир поворачивает от конфронтации и напряженности к диалогу и разрядке³. Во время встречи с М.С. Горбачевым в 1989 г. Дэн Сяопин призвал «поставить точку на прошлом и открыть двери в будущее». В 1992 г. он же, находясь в провинции Гуандун, произнес речь, которая ориентировала на использование российской экономической ситуации в китайских интересах⁴.

В Советском Союзе и постсоветской России также проводилась политика, направленная на расширение взаимодействия с КНР. Л.И. Брежнев в выступлении на XXVI съезде КПСС (1981 г.) и в ташкентской речи (1982 г.) предложил нормализовать советско-китайские отношения⁵. Во владивостокской речи (1986 г.) М.С. Горбачев заявил о готовности СССР к сокращению войск на советско-китайской границе, а в красноярской речи (1988 г.) выдвинул предложение о проведении встречи представителей двух стран на высшем уровне⁶.

Встречные векторы экономической политики России и Китая находили конкретное воплощение в двусторонних документах. Многие из них непосредственно открывали и стимулировали китайский миграционный поток на российский Дальний Восток. Так, в 1988 г. было заключено соглашение

о безвизовом пересечении российско-китайской границы. В 1989 г. подписаны контракты на предоставление Китаем Советскому Союзу трудовых услуг на 15 тыс. чел., общей стоимостью 130 млн. дол. США. К началу 1991 г. сумма всех контрактов составила уже 900 млн. дол.⁷ В ходе визита министра иностранных дел КНР Тан Цзясюаня в Москву 28 февраля — 1 марта 2000 г. было подписано соглашение по обмену визитами граждан и соглашение по освобождению от визового оформления граждан обоих государств в составе туристских групп.

По мнению Э. Вишник, к 1994 г. в России стало ясно, что применительно к дальневосточным территориям нельзя подходить с позиций «открытого регионализма», привлекающего со всех сторон потоки капитала, товаров, рабочей силы, которые характерны для тихоокеанского пояса. Меры по сдерживанию китайской и корейской миграции на Дальнем Востоке России явились одним из первых показателей ограничения открытости региона к экономической кооперации с его азиатскими соседями в данный период⁸.

Жесткие действия российской стороны, выраженные главным образом в дальневосточном регионе, направленные на регулирование китайской миграции, не привели к заметному осложнению российско-китайских отношений, которые в 90-е годы прошли определенные стадии. Их общая тенденция была направлена на сближение. В 1994 г. стороны заявили о создании «конструктивного партнерства», в 1996 г. — «стратегического партнерства». Как отмечал представитель российского МИДа В. Рахманин, «1996 год войдет в историю русской дипломатии как год, выведший российско-китайские отношения на новый качественный уровень — на уровень равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке»⁹. В феврале 1997 г. было получено официальное подтверждение из Пекина того, что Китай не проводит политику «поддержки проникновения граждан КНР на Дальний Восток и в Сибирь»¹⁰. Ровно через год премьер-министр Ли Пэн также отрицал, что китайские рабочие расселяются на Дальнем Востоке России и создают там «чайнатауны»¹¹.

Такая позиция официального Пекина объясняется тем, что китайское руководство не было заинтересовано в нелегальной миграции своих граждан на Дальнем Востоке России. Для Китая большой интерес представлял российский рынок, а также перспективы экономического взаимодействия. Ему явно не способствовали бы межгосударственная напряженность или негативное отношение со стороны общественного мнения в России. По этой же причине в Китае появилось недовольство тем, что китайские «челноки» подрывали доверие российских потребителей к любой продукции, произведенной в КНР. Развитию отношений не способствовали также нелегальные мигранты.

В мае 1994 г. на уровне глав правительств было подписано соглашение об установлении контрольного режима на границе¹². Во время визита в Москву в сентябре 1994 г. Цзянь Цзэминь подчеркнул, что китайское руководство поддерживает и защищает упорядоченную и законную торгово-экономическую деятельность и совсем иначе относится к такой торговле, которая причиняет ущерб интересам российских потребителей и китайским гражданам, занятым в этой сфере¹³.

Поэтому к жестким действиям российской стороны в отношении граждан КНР, пребывавших на территории России, Китай не предъявлял существенных претензий.

Критика властей провинции Хэйлунцзян за недостаточное администрирование приграничной миграции явилась одной из причин смены руководства провинции в 1996 г. В то же время китайские руководители выражали заинтересованность в том, чтобы усилия, направленные на предотвращение нелегальной миграции, не нанесли вреда законопослушным китайским гражданам, которые находились в России как туристы или деловые люди¹⁴.

Китайские силовые структуры пошли на тесное сотрудничество с российскими коллегами. В августе 1995 г. появилось соглашение между Федеральной пограничной службой России и министерством обороны КНР о пограничном сотрудничестве. Основным итоговым документом в развитии российско-китайских отношений в данный период стал Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и КНР, подписанный на уровне глав государств 16 июля 2001 г. В статье 20 договора была закреплена стратегия активного сотрудничества в борьбе с нелегальной миграцией, в том числе с незаконным перемещением физических лиц через свои территории, организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и т. д. Статья 19 предусматривает сотрудничество в области защиты окружающей среды, справедливое рациональное использование пограничных водотоков и т. д. В статье также идет речь о совместных усилиях для защиты редких видов флоры и фауны и природных экосистем в приграничных районах¹⁵. Все эти вопросы к началу XXI в. не утратили актуальности в отношении китайской миграции на Дальнем Востоке России.

В наведении порядка с китайской стороны приняли участие и местные власти. Правительство уезда Хуньчунь провинции Цзилинь, сопредельного с Хансанским районом Приморского края, отменило выдачу пропусков на право пребывания в двухкилометровой пограничной зоне, а в районе повышенной активности браконьеров поставило на протяжении свыше 50 км полутораметровый проволочный забор. Там же были выставлены и дополнительные пограничные посты. Различные меры принимали местные власти и в провинции Хэйлунцзян. В сентябре 1999 г. по приглашению пограничников Дальнего Востока России в Хабаровск нанесла визит делегация Управления охраны границы китайской провинции. Стороны определили ряд конкретных мер в отношении обмена информацией, а также по укреплению и координации усилий и т. д. С 15 мая по 15 июня 2000 г. пограничные службы двух стран провели 18 совместных мероприятий вдоль пограничных участков рек. В первые шесть месяцев 2000 г. китайские и российские пограничники совместно пресекли 122 попытки контрабанды. В уездах и городских территориях Жаохэ, Хулинь и Мишань, прилегающих к пограничным рекам Уссури, Сунгач и оз. Ханка, была увеличена до 10 тыс. юаней сумма штрафа на рыбаков — нарушителей правил промысла и режима государственной границы. Соответствующие административные отделы в приграничных районах усилили проверки личных дел китайских граждан, в особенности частных торговцев и контрактных рабочих, которые обращались за визами для въезда в Россию¹⁶.

Следующий важный международный аспект — это отношения с двумя другими странами, также широко представленными в общей структуре иностранных граждан на Дальнем Востоке России, — Северной Кореей и Вьетнамом.

Контакты между СССР (Россией) и КНДР в конце 80-х — начале 90-х годов были диссонансом к российско-китайским отношениям. В это время прозападные настроения в России, проявившиеся главным образом в следовании позициям США, были ярко выражены не только в широком общественном мнении, но и в среде политической элиты. С 1990 г. страной открыто проводилась внешняя политика, направленная на поддержку мировой однополярности. Она базировалась на расширении связей со странами Запада и на принятии выдвигаемых им политических стандартов. С точки зрения руководства большинства стран-участниц трансатлантических и западноевропейских международных организаций КНДР наряду с некоторыми другими странами — Ираком, Ливией и т. д. — должна была считаться на мировой арене государством-изгоем с явно недемократическим режимом. Любое расширение или возобновление контактов с Северной Кореей вело к нарушению ее экономической и политической изоляции. Охлаждению советско-северокорейских отношений способствовало также установление в 1990 г. официальных связей между СССР и Республикой Корея¹⁷. В итоге открытость границ с КНР хронологически совпала с периодом закрытости российско-северокорейской границы.

Вместе с тем активность северокорейской стороны показывает, что КНДР не стремилась к мировой изоляции, в частности к прекращению каких-либо отношений с Россией. Так, по просьбе КНДР в 1991 г. было продлено на пять лет действие советско-северокорейского договора 1961 г. В том же году вступил в силу договор «О режиме советско-корейской границы»¹⁸. На встрече с северокорейскими дипломатами в Пхеньяне в январе 1993 г. заместитель министра иностранных дел Г. Кунадзе заявил, что российское правительство рассматривает договор 1961 г. как основу для «...продолжения партнерских, добрососедских взаимовыгодных отношений между РФ и КНДР». Мотивом для восстановления связей послужила не только некоторая взаимодополняемость экономик этих государств, сложившаяся в 50 — 80-е годы, но и стремление России получить выплаты по долгам Северной Кореи Советскому Союзу. Поэтому общее ухудшение отношений между странами почти не сказалось на таких частных вопросах, как деятельность северокорейских лесозаготовителей в Хабаровском крае и Амурской области.

В середине 90-х годов на появление принципиально новой северокорейской миграции, дополнившей деятельность лесорубов в Хабаровском крае и Амурской области, оказала влияние смена общественно-государственных императивов в России: приоритет международного сотрудничества сместился с идеологических мотивов на экономические. МИД России проводил политику, направленную на переход от союзнических отношений с КНДР к «...максимально дружественным, разветвленным отношениям с КНДР и Республикой Корея»¹⁹. В результате к середине 90-х годов, особенно для дальневосточных территорий России, в сфере трудовой миграции более целесообразным становилось сотрудничество с Северной Кореей. В практике международных отношений оно стало возможным на региональном уровне. В марте 1995 г. состоялись визиты в Пхеньян делегаций администраций Хабаровского

и Приморского краев²⁰, в ходе которых было подписано соглашение о трудоустройстве в Приморском крае граждан КНДР. В ноябре 1996 г. в Москве заключен российско-северокорейский «Договор о поощрении и взаимной защите капиталовложений»²¹.

Политический аспект северокорейской миграции осложнился сегментацией корейского миграционного потока в 90-е годы. К международной миграции можно отнести: 1) переселение корейцев на юг Дальнего Востока (в основном в Приморье) из стран Центральной Азии; 2) северокорейскую трудовую миграцию; 3) этнических корейцев в потоке китайской миграции, прибывавших в основном из Яньбяньского корейского автономного района провинции Цзилинь; 4) приезд и пребывание граждан Республики Корея, корейцев из других стран.

В этой связи возникал вопрос о возможности воссоздания в Приморье корейской национальной автономии. Руководители Всесоюзной организации советских корейцев выступили с проектами «О добровольном и организованном переселении советских корейцев из Средней Азии и Казахстана в Приморский край» и «О создании корейской экономической зоны»²², для воплощения которых были необходимы контакты с КНДР и Республикой Корея. Предполагалось, что корейская автономия в дальнейшем, возможно, войдет в состав Объединенной Кореи.

Развитие российско-вьетнамских отношений было связано с реформами, проводившимися во Вьетнаме. Курс государства «дой мой» в 90-е годы повлек за собой большие структурные изменения в экономике. Они могли повлиять на сложившиеся экономические отношения между странами, в том числе на привлечение вьетнамской рабочей силы на Дальний Восток России. В то же время в международном сотрудничестве превалировала политика «открытых дверей», основанная на равноправных отношениях со всеми государствами независимо от политической и региональной близости²³. Это отличало международные позиции Вьетнама от северокорейских.

При данном подходе руководство СРВ не могло игнорировать свои успехи в реализации межправительственного соглашения между СССР и СРВ «О направлении и приеме вьетнамских граждан на профессиональное обучение и работу на предприятиях и организациях СССР» 1981 г. На Дальнем Востоке России действие соглашения практически завершилось в 1991 г., в 1992 г. вьетнамские граждане возвращались из других регионов России. Но в том же году, 29 сентября, вступило в силу новое «Соглашение между правительствами Российской Федерации и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о принципах направления и приема вьетнамских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях Российской Федерации». Оно заключалось сроком на пять лет, с последующим автоматическим продлением на три года. Это обстоятельство указывает на стабильность и преемственность отношений России и Вьетнама, несмотря на крайне нестабильное внутреннее социально-экономическое положение в России в это время. В 1994 г. между странами был подписан договор «Об основных принципах сотрудничества РФ и СРВ». Появились соглашения о стимулировании и защите инвестиций, избежании двойного налогообложения, торгово-экономическом сотрудничестве²⁴. Российско-вьетнамские связи, таким образом, развивались,

а внешнеэкономическая активность не могла не сказаться на положении вьетнамских предпринимателей на Дальнем Востоке России и их работников, часто также вьетнамцев. Особенно это относилось к Приморскому краю, который расположен к Вьетнаму ближе, чем другие регионы, и во многом выполняет функции континентально-морского транзита между странами.

Наиболее сложным представляется аспект, также связанный с миграцией населения. Дальнейшее развитие ситуации сталкивалось с проблемами геополитики и безопасности. Этот же аспект имел отношение к внутренней и международной региональной политике Китая и других стран Северо-Восточной Азии. В данном контексте дискуссии вызывала проблема построения миграционной политики России на долгосрочную перспективу в основном применительно к китайской миграции.

Исследователи не раз излагали возможные сценарии развития событий. Например, Чой Сеонг-Аэ указывал, что международные инвесторы проявляют интерес к возможности освоения свободных земель на Дальнем Востоке России на основе строго регулируемой иммиграции китайского населения с постепенным предоставлением ему российского гражданства. В результате через 20—30 лет могла бы возникнуть Российско-Китайская автономная республика в составе РФ на тех же юридических основаниях, что и Татарская, Башкирская или Якутская автономные республики. При этом он тут же отмечает: «В конечном счете, новая республика может стать частью КНР, а не РФ, что еще больше сузит пути для выхода России в Азиатско-Тихоокеанскую экономическую зону»²⁵.

В 1997 г. В.Л. Ларин отмечал, что «...сейчас вектор их (китайской) политики юго-восточный. Наши территории входят в зону жизненных интересов Китая, но оставлены на будущее»²⁶. По мнению исследователя, несмотря на то, что в целом региональная международная политика КНР больше сосредоточилась на идеях создания «культурной и экономической зоны Большого Китая», заметны интересы КНР и к Дальнему Востоку России. В частности, первые версии проекта «Туманган» разрабатывались китайской стороной и подразумевали не только промышленные и транспортные перспективы, но и создание миллионов рабочих мест для китайских граждан²⁷.

По мнению П.Я. Бакланова, на Дальнем Востоке России в 90-е годы шло становление своеобразных зон контактных структур, в которых начала проявляться концентрация межгосударственных контактов и экономических связей, интересов и геополитических проблем. Появилась необходимость совместных международных программ устойчивого развития. В качестве примеров приводятся также проект «Туманган» и (в перспективе) программа устойчивого развития региона Японского моря²⁸. Реализация подобных крупномасштабных международных проектов в любом случае предполагает привлечение на российскую территорию большого числа иностранных рабочих и специалистов.

М. Алексеев пришел к выводу, что «...китайская миграция на Дальнем Востоке позволяет проверить две конфликтующие теории. Первая гласит, что динамично развивающийся Китай с его огромным населением угрожает безопасности России на Дальнем Востоке. Другая утверждает: раз китайцы приносят экономическую выгоду дальневосточникам, торговые связи способствуют ослаблению напряженных отношений между государствами. Если же эти два

компонента совмещаются в одном месте, исследователям трудно сказать, какой из них перевесит. В этом плане ситуация уникальна и является лабораторией для исследований вопросов безопасности»²⁹.

В 80 — 90-е годы XX в. политика КНР в отношении своих граждан на Дальнем Востоке России могла выстраиваться, исходя не только из возможного изменения статуса тех или иных территорий, входящих в состав России. Сюда же относятся и разрешение проблем трудоустройства, организация жизненного пространства и перспектива появления на российской территории слоя «хуацяо», от которого поступали бы в КНР дополнительные инвестиции да к тому же в районы Северо-Востока, охваченные ими в меньшей степени.

Деятельность китайских граждан непосредственно на Дальнем Востоке проблему безработицы в КНР практически не решала. Проблема приграничного демографического дисбаланса между странами ярко не проявлялась. Более актуальным оставался вопрос внутреннего демографического дисбаланса в Китае между различными районами и типами населенных пунктов. Что касается «хуацяо» как потенциальных инвесторов КНР с Дальнего Востока России, то это направление представляется вообще не имеющим близкой перспективы по сравнению со странами Юго-Восточной Азии, США и Японией. Транспортно-ресурсная специализация Дальнего Востока, сложившаяся в хозяйственном комплексе России, предполагала в экономических отношениях с Китаем преобладание экспортно-импортных операций и взаимодействие транспортных систем. Другие формы экономической интеграции, которые во многих странах Юго-Восточной Азии привели «хуацяо» к контролю над целыми отраслями, на Дальнем Востоке России не достигли такого развития. Владение и управление наиболее прибыльными предприятиями делилось между разными собственниками как местными, так и ведущими финансово-промышленными группами запада России с участием зарубежных инвесторов из других стран.

В то же время руководство КНР и ее северо-восточных провинций получило возможность выстроить стратегию экономического взаимодействия в приграничье, которая помогала решать эти и другие проблемы. Так, рабочие места можно было создавать не только напрямую, т. е. отправляя своих граждан на работу на Дальний Восток России, но и косвенно. Сюда относится выпуск продукции, которая реализовывалась бы на российском Дальнем Востоке, либо шла через него в другие районы России, а также внешняя торговля, прием и обслуживание российских туристов и бизнесменов, перевозка грузов, следующих с российской стороны, и т. д.

Устранить внутренний демографический дисбаланс отчасти позволила политика, направленная на перераспределение населения между различными районами и населенными пунктами в провинциях Хэйлунцзян и Цзилинь. Экономическое взаимодействие с Россией способствовало оттоку части населения в приграничные районы. Наконец, деловая активность в приграничье способствовала и движению капиталов на российский Дальний Восток, и перемещению вместе с ними работников. Таким образом, все интересы КНР, связанные с миграцией своих граждан на Дальний Восток России, сводились к необходимости создания и развития зон наибольшего благоприятствования внешнеэкономическим связям в приграничной полосе.

Стратегия развития прибрежных районов, осуществлявшаяся в Китае с 1978 г., не только способствовала усилению в регионе несоразмерности между прибрежными и внутриконтинентальными районами, но также восстанавливала различия в развитии между Севером и Югом КНР, которые относительно нивелировались при плановой экономике. Новые отношения с Россией предусматривали переход от стратегии «северного рубежа» к открытости и взаимному развитию, позволявшим приграничным с Россией районам Китая стать функциональным эквивалентом прибрежных провинций и городов, а значит, фактором устранения дисбаланса между Севером и Югом.

Два из 16 районов «приоритетного экономического строительства», определенных Китаем к началу 90-х годов, располагались на Северо-Востоке: центральная и южная часть провинции Ляонин и промышленный комплекс Харбин — Чанчунь. В этом подходе заметна опора на большое промышленное значение данных районов Северо-Востока, которое сохранилось с середины XX в., когда Северо-Восток являлся ведущим индустриальным звеном в цепи регионов Китая. Одновременно в КНР появилось принципиально новое направление в экономической политике на Северо-Востоке. В период с 1984 по 1995 г. в регионе было создано 12 зон экономического развития. Из них три — Открытая зона Суйфэньхэ, Открытый порт Хэйхэ и Зона приграничного сотрудничества Хуньчунь — расположились в непосредственной близости от российско-китайской границы. Район Хуньчуня, ставший зоной приграничного сотрудничества в 1992 г., получил около двух десятков привилегий в области налогообложения, привлечения инвестиций, кадров и т. д. В отдаленной перспективе планировалось превратить Хуньчунь в главный промышленный центр провинции Цзилинь³⁰. Политика КНР в приграничных с Россией районах провинций Хэйлуцзян и Цзилинь способствовала усилению и закреплению разностороннего влияния Китая на приграничные районы российского Дальнего Востока и, как следствие этого, — массовому притоку в них граждан КНР.

Таким образом, политика открытости, проводившаяся в СССР во второй половине 80-х — начале 90-х годов, находила свое отражение на Дальнем Востоке. Она явилась решающим фактором активизации международной миграции в данный период. Этот процесс осуществлялся изначально главным образом через реализацию на Дальнем Востоке конкретных двусторонних соглашений, а также был связан с общим расширением участия СССР и РФ в многосторонних договоренностях.

Россия и Китай находили взаимопонимание в вопросах присутствия китайских граждан на Дальнем Востоке, налаживали сотрудничество по борьбе с нелегальной миграцией, причем на разных уровнях. Несмотря на существенные разногласия внутри самих стран в оценках отношений между Россией и Китаем и их перспектив, в целом они развивались поступательно, укрепляя добрососедство и сотрудничество, подчеркивая экономическую основу китайской миграции России, встречу деловых интересов сторон.

В отношениях России с другими странами на Дальнем Востоке в конце XX в. стали заметно преобладать экономические интересы, что полностью проявилось в присутствии иностранных граждан, представлявших различные формы международной миграции.

- ¹ Ионцев В.А. Мировые миграции. М., 1992. С. 34; Гаврилова И. Бич миграции // Свободная мысль. 1997. № 7. С. 93—98.
- ² Вашук А.С. и др. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. Владивосток, 2002. С. 211.
- ³ Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999. С. 245.
- ⁴ Гельбрас В. Китайский фактор внутренней и внешней политики России // Перспективы дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. М., 1999. С. 48; Ивасита А. Москва—Пекин: «Стратегическое партнерство» и пограничные переговоры. // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 11. С. 94.
- ⁵ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1982. С. 10—11.
- ⁶ Воскресенский А.Д. Россия и Китай... С. 244.
- ⁷ Алексеев М. Угрожает ли России китайская миграция? // Мировая экономика и международные отношения, 2000. № 1. С. 97; Курбатов В.П. Политика народонаселения и занятости в КНР // Экономические науки. 1991. № 1; Ионцев В.А. Мировые миграции... С. 29.
- ⁸ Wishnik E. Regional Dynamic in Russia's Asia Policy // Russia's Far East: A Region at Risk. Seattle and London, 2002. P. 296—297.
- ⁹ Рахманин В. Россия и Китай: на пути к стратегическому взаимодействию // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 1. С. 10—14.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Vitkovskaya G., Zayonchkovskaya Zn., Newland K. Chinese Migration into Russia // Rapprochment or Rivalry?: Russian-China Relations in a Changing Asia. Washington, 2000. P. 350.
- ¹² Ni Xiaoquan. China's Threat Perceptions and Policies toward the Russian Far East / Ni Xiaoquan // Russia's Far East: A Region at Risk. Ed. by Judith Thornton and Charles E. Ziegel. — Seattle and London, 2002. P. 375—395.
- ¹³ Там же. P. 386.
- ¹⁴ Wishnik E. Regional Dynamic in Russia's Asian Policy... P. 297.
- ¹⁵ Бюллетень международных договоров. М., 2002. № 8. С. 56—62.
- ¹⁶ ДиФ-Дальинформ. 1996. № 43 (окт.); Ni Xiaoquan. China's Threat Perceptions and Policies... P. 385—386.
- ¹⁷ Забровская Л.В. Россия и КНДР: опыт прошлого и перспективы будущего. Владивосток, 1999. С. 46.
- ¹⁸ Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток, 1998. С. 219.
- ¹⁹ Забровская Л.В. Россия и КНДР... С. 51.
- ²⁰ Там же. С. 48.
- ²¹ Там же. С. 56.
- ²² Ларин В.Л. Россия в Восточной Азии накануне XXI в.: этнодемографические и цивилизационные стимулы и барьеры // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII—XX вв. Новосибирск, 1996. С. 30.
- ²³ Бровко П.Ф. Вот такое «коромысло»: под тяжестью не гнется, от работы не ломается // Океан. вести. 1999. № 15. С. 6.
- ²⁴ <http://law.optima.ru/select.html>; Бровко П.Ф. Вот такое «коромысло»... С. 7.
- ²⁵ Чой Сеонг-Аэ. Эволюция отношений России с государствами Северо-Восточной Азии (80—90 годы XX в.). М, 1998. С. 38.
- ²⁶ «Китайская угроза» сегодня— миф или реальность? (интервью с В.Л. Лариным) // Золотой Рог. 1997. № 29(341). 18 апр.
- ²⁷ Ларин В.Л. Россия в Восточной Азии... С. 29.
- ²⁸ Бакланов П.Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. Владивосток, 2001. С. 96—97.
- ²⁹ Китайские «гнезда» против русских «скворечников» (интервью с М. Алексеевым) // Океан. вести. 2000. № 7. С. 2—3.
- ³⁰ Kerr D. Chinese Relations with the Russian Far East // The Russian Far East and Pacific Asia: Unfulfilled Potential. Curzon, 2001. P. 184; Ларин В.Л. Дальний Восток России в фокусе китайской политики // Вестн. ДВО РАН. 2000. № 2. С. 9.

SUMMARY. Migration of population is an integral part of cooperation between states. The article by Candidate of Historical Sciences German Dudchenko “International Migration in the Far East of Russia at the End of the 20th Century in the Context of International Relations” elucidates various aspects and forms of this phenomena.